

— А Цю, глядя на тебя, можно подумать, что в кабинете твоего брата-императора сидят одни тигры! — вдовствующая императрица, указывая на Цзи Вэйцю, не могла сдержать смех. — Как ты умудрился так вымотаться?

Душа Цзи Вэйцю едва держалась в теле. Он сидел, совершенно поникнув, но так и не осмелился рухнуть на стол. Причина была проста — рядом сидел Цзи Су. Если бы он сегодня позволил себе такую вольность, брат-император позаботился бы о том, чтобы завтра он и с постели не встал.

— Матушка, вы просто не знаете, — сокрушённо вздохнул Цзи Вэйцю. — Эти господа из кабинета... они, может, и не тигры, но повадки у них тигриные. Не могли бы вы замолвить за меня словечко перед братом-императором? Может, мне завтра не ходить?

Императрица, изящно изогнув бровь, мягко спросила:

— Я слышала, А Цю сегодня собирался покинуть дворец?

Цзи Су кивнул, и государыня, повернувшись к младшему сыну, продолжила:

— А Цю, ложись сегодня пораньше.

— Я так устал, что, вернувшись, сразу же усну... — не задумываясь, ответил Цзи Вэйцю.

— Вот и хорошо, — с улыбкой произнесла вдовствующая императрица. — Теперь, когда твой брат-император возлагает на тебя надежды, ты не можешь вести себя как прежде — капризничать и упрямиться. Сегодня Юнь Инь поедет с тобой и проследит, чтобы завтра ты вовремя явился на утренний приём. Не смей опаздывать.

До Цзи Вэйцю внезапно дошло. Он с изумлением посмотрел на свою ласковую матушку, а затем на невозмутимого, как скала, Цзи Су.

— На утренний приём...?!

Он быстро прикинул в уме. От его резиденции до дворца было недалеко, верхом — всего четверть часа до ворот. Но от ворот до дворца Высшей Гармонии, где проходили приёмы, — ещё полчаса. На умывание, даже самое спешное, уйдёт четверть часа, и это не считая завтрака... Ему, конечно, нужно вставать в три часа ночи, но это означало, что ровно в три он уже должен быть на ногах, а не вскакивать в последнюю минуту.

...Смерти подобно.

Цзи Вэйцю охватила скорбь.

— ...А можно мне не ходить на утренний приём? — пробормотал он.

— Нельзя, — невозмутимо отрезал Цзи Су.

— Твой брат прав. Теперь, когда ты вошёл в Кабинет, как ты можешь пропускать утренние приёмы? А Цю, не дурачься, — в этом вопросе вдовствующая императрица была непреклонна, полностью поддерживая старшего сына.

Она вовсе не желала, чтобы Цзи Вэйцю всю жизнь провёл в праздности и безрассудстве. Как говорится в пословице: «Лишь бы дитя было глупо да просто, без бед и несчастий дослужится до министра». Цзи Вэйцю по рождению был знатью, и то, что он не вмешивался в политику, было уже прекрасно. Но если Цзи Су решил дать ему шанс проявить себя, разве это не ещё лучше?

Оба они, Цзи Су и Цзи Вэйцю, были её сыновьями. Она любила младшего, но и старшего любила не меньше. Говорят, императоры одиноки. Если рядом будет брат, они смогут во всём поддерживать друг друга, и её сердце будет спокойно.

Поэтому, когда Цзи Су позволил Цзи Вэйцю войти в кабинет, он желал ему добра. Как она, мать, могла потакать капризам младшего сына? Да она бы силой заставила его пойти на утренний приём.

— Я могу подождать брата-императора в Дворце Ясного Покоя... это ведь то же самое... — жалобно пролепетал Цзи Вэйцю.

Вдовствующая императрица не выдержала и рассмеялась. Член кабинета, который не является на утренние приёмы и не работает в павильоне Литературной Бездны, — это же просто украшение! Она взглянула на Цзи Су. Тот оставался невозмутим, словно и не слышал ничего, очевидно, не желая обращать внимания на уловки младшего брата.

— Хватит, — отрезала государыня. — Сегодня ты из дворца не выйдешь. Останешься в боковом крыле у своего брата. Цинси! Завтра проследи, чтобы он явился на приём! Хоть силой тащи!

— Слуга повинуется, — с готовностью отозвался гунгун Цинси. — Ваше Величество, не волнуйтесь, Его Высочество это только на словах так, завтра он непременно будет вовремя!

Услышав это, гнев императрицы поутих. Она лишь хмыкнула и бросила на Цзи Вэйцю строгий взгляд, так похожий на взгляд Цзи Су.

Цзи Вэйцю хотел было ещё поспорить, но тут Сяо Чжо тихонько шепнул ему на ухо:

— Ваше Высочество, если останетесь во дворце, завтра сможете поспать подольше... Можно будет встать в три с половиной, и вы всё равно успеете.

Цзи Вэйцю был уже не тем юнцом, что готов был стоять на своём до последнего. Услышав это, он счёл довод разумным. Какая разница, где спать? Чем боковое крыло дворца хуже его резиденции? Если он сейчас поедет домой, ему даже времени принять ванну не хватит.

Между лишними полчаса сна и ночёвкой дома он, не колеблясь, выбрал первое. Дом подождёт.

Цзи Су, видя, как брат без раздумий предпочёл остаться во дворце, нашёл это забавным.

— Я уже говорил ему, — негромко произнёс он, — что отдаю ему дворец Вечного Покоя, но он отказался.

— Дворец Вечного Покоя, хоть вы и привыкли там жить, сейчас отдавать А Цю нехорошо, — возразила вдовствующая императрица. — Между государем и подданным должна быть дистанция. Пусть лучше живёт с тобой, как брат. Если он тебе мешает, найди ему пустующий зал во дворце Великого Предела. А лучше всего, пусть живёт в павильоне Литературной Бездны, так и на утренний приём удобнее будет.

Цзи Вэйцю:

— ...???

В павильоне Литературной Бездны действительно были покои для членов кабинета. Ведь им приходилось вставать ни свет ни заря, а после приёма разбирать бумаги. К тому же, большинство из них были в преклонном возрасте, и им нужен был отдых. Но эти покои предназначались для короткого отдыха и были крошечными. По словам Цзи Вэйцю, размером с альковом в Дворце Ясного Покоя — одна комната, которую можно окинуть одним взглядом.

К тому же, у троих других членов кабинета уже были свои привычные покои. Оставшуюся комнату только сегодня наскоро прибрали. И его родная мать отправляет его туда? Она точно его мать?!

— Не нужно, — сказал Цзи Су. — Пусть остаётся в Дворце Ясного Покоя.

— Докладываю, Ваше Величество, — вовремя вмешался гунгун Цинси. — Осмелюсь заметить, рядом с павильоном Литературной Бездны пустует только дворец Цветения и Славы. Но он давно заброшен, холоден и неуютен, и предназначен для приезжих чиновников. Разве Его Высочество может там жить?

— Ваша правда, государыня, — поддержала его дворцовая управительница Юнь. — Сегодня я по вашему приказу осматривала дворец Цветения и Славы. Там можно отдохнуть часок-другой,

но ночевать Его Высочеству будет неудобно.

Вдовствующая императрица никогда не была в павильоне Литературной Бездны. Услышав, что Цинси и Юнь Инь в один голос твердят, что дворец Цветения и Славы мал и запущен, она поверила им и нахмурилась.

— Вот как? Ну что ж... Раз твой брат-император не против твоего шума, живи у него!

В душе государыня считала, что её сын не должен терпеть ненужных лишений. Он — особа императорской крови, его мать — во дворце Милосердного Спокойствия, родной брат — во дворце Великого Предела. Зачем ему изображать из себя аскета? Он по праву рождения был знатнее и драгоценнее других!

— Благодарю, матушка. Благодарю, брат-император, — без особого энтузиазма ответил Цзи Вэйцю. Жить в голубятне ему тоже не хотелось.

Наконец ужин закончился. Вдовствующая императрица отпустила их, велев не приходить прощаться без особой надобности, чтобы не тратить время зря. Цзи Вэйцю последовал за Цзи Су обратно во дворец. По дороге, не желая навлекать на себя неприятности, он завёл разговор о том, какая вкусная была сегодня еда. Цзи Су слушал и отвечал невпопад, но в целом беседа получилась приятной.

Вскоре они прибыли в Дворец Ясного Покоя. Цзи Су отправился принимать ванну. Цзи Вэйцю, выбирая между большим бассейном и ванной, без колебаний выбрал бассейн. Когда оба брата погрузились в воду, воцарилось молчание.

Оба устали.

Цзи Вэйцю, оперевшись о край бассейна, вздохнул. Горячая вода окутывала его, принося облегчение. Сегодня он прошёл не меньше двадцати тысяч шагов, а отдохнул лишь недолго в алькове. Строго говоря, это и отдыхом-то не назовёшь.

Ведь обычно он ничего не делал, да ещё и спал днём.

Проведя в воде четверть часа, он наконец отдышался. Повернув голову, он увидел, что Цзи Су, откинувшись в воде, неторопливо пьёт вино. Цзи Вэйцю позавидовал — вот кто умеет наслаждаться жизнью!

Ему тоже захотелось выпить.

Цзи Су, казалось, почувствовал его взгляд. Их глаза встретились, и Цзи Вэйцю, чтобы скрыть смущение, поспешно заговорил:

— Брат-император, ты каждый день так?

— М-м, — отозвался Цзи Су.

Цзи Вэйцю не решился спросить, устал ли он. Если бы он спросил, а Цзи Су ответил «да», что бы он сказал? А если «нет»?

Поэтому он беззастенчиво попросил:

— Брат-император, это вино вкусное? Угостишь?

— Оно крепкое, — сухо заметил Цзи Су.

Тем временем слуга уже принёс новую чашу. Вино янтарного цвета наполнило нефритовую пиалу, источая тонкий аромат. Цзи Вэйцю принял её и, поднеся к лицу, вдохнул. Аромат был лёгким и приятным. Он не верил, что такой поборник здорового образа жизни, как Цзи Су, станет пить крепкое вино во время купания.

— А пахнет неплохо... — пробормотал Цзи Вэйцю и залпом осушил чашу. В следующий миг он закашлялся. Жгучий огонь пронёсся от горла до желудка, винные пары ударили в голову, на мгновение помутив рассудок. Он даже не мог открыть глаза.

Слуги в ужасе бросились к нему. Цзи Вэйцю отмахнулся, показывая, что всё в порядке, но кашель не прекращался. Лишь выпив полкувшина воды, он смог унять жжение. Глаза его наполнились слезами, и всё вокруг расплывалось в мерцающем свете.

Прищурившись, он посмотрел на Цзи Су.

— Брат-император, почему это вино такое крепкое?!

— Я же говорил, — Цзи Су спокойно отпил из своей чаши. На его прекрасном, неземном лице появился лёгкий румянец. Цзи Вэйцю надулся и снова погрузился в воду. Но через мгновение он не удержался и снова взглянул на брата... Ему захотелось ещё.

Хотя от первого глотка было ощущение, будто его полоснули ножом, сейчас он с какой-то странной ностальгией вспоминал это чувство.

К тому же, всё, что ел и пил Цзи Су, было лучшим в мире. Раз уж он пьёт такое крепкое вино, значит, в нём есть что-то особенное. А он, как тот Чжу Бацзе, съевший плод женьшеня, проглотил всё разом, не разобрав вкуса.

Он подплыл к Цзи Су.

— Брат-император, можно мне ещё чашечку?

— Нельзя, — ответил Цзи Су.

Цзи Вэйцю:

— ...?!

Он и представить не мог, что Цзи Су может быть таким жадным! Всего лишь чашка вина! И ту зажал!

Видя, как брат от возмущения таращит глаза, Цзи Су пояснил:

— Ещё одна — и ты опьянеешь.

— Брат-император, ты меня недооцениваешь! — возмутился Цзи Вэйцю. — Да я могу выпить полциния пятидесятидвухградусной водки! Даже если это вино крепче обычного, неужели я опьянею от двух чашек? Не смеши!

Цзи Су оставался невозмутим, решив, видимо, больше не наливать. Цзи Вэйцю, видя это, завёлся. Чем больше ему запрещали, тем сильнее хотелось попробовать ещё. Он положил руку на плечо брата.

— Брат-император, ну дай ещё чашечку! Я только попробую, в прошлый раз даже вкуса не разобрал! Всего одну! Я не буду пить до дна, только пригублю!

— Нельзя.

— Не опьянею, честно! — искренне заверил Цзи Вэйцю. — Брат-император, ты же меня знаешь. Если бы я так легко пьянел, разве смог бы я стать грозой всего Яньцина?

Цзи Су не обращал на него внимания. Но Цзи Вэйцю не сдавался. Он был готов поклясться чем угодно.

— Правда, я только лизну, можно?!

Цзи Су опустил взгляд и вдруг поднёс свою полупустую чашу к его губам.

Цзи Вэйцю просиял и лизнул.

<http://bllate.org/book/16115/1589133>